

УДК 316.2

ВАЛЕРИЙ ПИЛИПЕНКО,

*доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела исто-
рии и теории социологии Института социоло-
логии НАН Украины, Киев*

ГУЛЬБАРШИН ЧЕПУРКО,

*доктор социологических наук, заведующая
отделом социальной экспертизы Институ-
та социологии НАН Украины, Киев*

ЮРИЙ ПРИВАЛОВ,

*кандидат философских наук, старший на-
учный сотрудник отдела социальной экспер-
тизы Института социологии НАН Украины,
Киев*

Метатеории в начале XXI века: модернизационный вектор социологии

Метатеоретизирование в социологии (как и в других социальных науках) стало реакцией на то, что воспринималось как своего рода кризис оснований. Этот кризис отражался в осознании множественности и гипотетической несовместимости известных моделей объяснения и исследовательских программ. Частично этот кризис был спровоцирован связанными со становлением постпозитивистской программы в философии и социологии науки попытками философской интерпретации взглядов на развитие общественных наук, изложенных в “Структуре научных революций” Т.Куна и касающихся динамики социально-научного знания, а также с сомнениями в возможности его (знания) приращения за счет теорий и законов, сопоставимых с естественнонаучными.

В свое время Д.Вагнер и Дж.Бергер обосновывали идею оценки прогресса научного знания как результата изменения и развития научных парадигм [Wagner, Berger, 1985]. Этот прогресс, по мнению авторов, сам Т.Кун считал

безусловно возможным в виде эволюции от уже известного, а не направленной к заведомо известной цели эволюции в направлении того, что мы надеемся узнать — в отношении теоретических контекстов или типов теорий, в которых происходит такое приращение.

Д. Вагнер и Дж. Бергер различают следующие типы теоретической деятельности в социологии: 1) “ориентирующие стратегии”, или “метатеоретические рамки”; 2) единичные теории (теоретические аргументации); 3) теоретические исследовательские программы как совокупность соотнесенных теорий. При этом исследователи описывают также пять типов отношений между теориями в рамках исследовательских программ и предлагают индикаторы и конкретные “образцовые” примеры адекватных этим отношениям типов теоретической динамики.

С одной стороны, это выглядит несколько упрощенно по сравнению и с известной классификацией Роберта Мертона, и с некоторыми более поздними классификациями типов и стратегий социологического теоретизирования [Девятко, 2003]. С другой стороны, предложенная Вагнером и Бергером типология хорошо описывает вариативность отношения между единичными теориями и исследовательскими программами. Речь идет о параллелизме и конкуренции, пролиферации, углубленной проработке, разветвлении и т.п. Более того, эта типология позволяет “примирить” идею разных форм приращения теоретического знания и высказанный Дж. Ритцером радикальный тезис о невозможности эволюционного роста и параллельном существовании в социологии нескольких устойчивых и, возможно, несопоставимых парадигм.

Ориентирующие стратегии — это метатеории, которые включают отдельные “метафизические” допущения и аргументы о природе социальной реальности (“социальную онтологию”), об эпистемологических основаниях и критериях оценки социологических объяснений, целей и ценности социологического исследования и т.п. Поэтому ориентирующие стратегии (метатеории) вряд ли поддаются прямой эмпирической верификации. Они довольно ригидны, то есть редко модифицируются, могут переживать спады в плане популярности и доминирования, но столь же редко исчезают совсем. Соответственно, несмотря на уточнение и усложнение метатеоретической аргументации, потенциал роста и изменений метатеорий крайне мал, в отличие от двух других типов теоретизирования, при этом анализ их не в состоянии обнаружить формы их позитивной динамики.

Итак, описание и анализ базовых предположений, ключевых понятий и объяснительных стратегий основных социологических парадигм (или ориентирующих стратегий, теоретических логик, моделей объяснения) в 1970-е — в начале 1990-х годов постепенно сформировались как еще одно ключевое направление (проблемное поле) социологического метатеоретизирования, которое все в большей мере ориентировалось на экспликацию взаимоисключающих ответов на фундаментальные проблемы социологического объяснения, например, формальные и содержательные трудности, связанные с обращением к убеждениям, предпочтениям или желаниям субъекта — как к его причинностным детерминациям [Девятко, 2003].

Такого рода сложные вопросы — социальная причинность и генерирующие механизмы, природа и объяснительный статус сознания, интенциональность и рациональность действия, свобода воли и нормативность социальной жизни, значение и интерпретация, то есть вещи, ранее “числившие-

ся” за философией социальных наук, теперь все больше превращались во “внутренние” вопросы социологической теории. Это имело как положительные последствия (подъем рефлексивности и преодоление “философской наивности” социологов-теоретиков), так и отрицательные, эпизодически подвергавшиеся критике. Но эта критика только “стимулировала” дискуссию и способствовала популярности метатеоретизирования и разработке более точных дефиниций и детализированных аргументов.

В свое время Дж.Александр и П.Коломи отмечали, что причины роста интереса исследователей к анализу основ социологической теории в значительной мере связаны с тем, что предыдущие попытки накопления обоснованного знания путем эмпирической верификации множества “разноязычных” формальных и содержательных теорий вели не к созданию системы согласованных теоретических утверждений, а к углублению разрыва между языками теоретизирования, свойственными ведущим социологическим парадигмам. При этом можно говорить также о ситуации коммуникативного *impasse*, тупика в социальной теории, когда невозможно прямо сопоставить теоретические объяснения (и даже описания), предлагаемые сторонниками разных социологических школ, и указать на какие-либо универсальные критерии оценки теоретической рациональности их утверждений, касающихся одних и тех же социальных явлений или процессов одного уровня.

Иными словами, результатом интенсивных усилий предшествующих поколений исследователей по созданию и эмпирическому обоснованию новых теорий стало появление большого количества парадигм, моделей, понятий и эмпирических подходов, применимых к любому аспекту социального мира (какой только можно вообразить), что породило сначала ощущение теоретического кризиса, а со временем склонило социологов к пессимистическим оценкам полезности теорий как таковых и возможностей их рациональной оценки и сравнения.

В контексте анализа проекта социологической метатеории в XXI веке можно обратиться к дефиниции метатеории, выдвинутой Дж.Ритцером. Он предлагает весьма узкое определение метатеории как широкой перспективы, охватывающей не менее двух теорий. В качестве примеров Дж.Ритцер приводит как отдельные базовые допущения касательно природы социального и объяснительной стратегии (индивидуализм, холизм, постпозитивизм, герменевтику), так и основывающиеся на них парадигмы. К метатеориям здесь отнесены и метаанализ данных (статистический анализ данных множества доступных эмпирических исследований или баз данных), и метаметодологические исследования отдельных социологических методов.

В то же время следует отметить, что Дж.Ритцер сохраняет выделение трех разновидностей метатеоретической деятельности: 1) метатеоретизирование как углубленный анализ существующей теории и способ достижения более глубокого ее понимания; 2) метатеоретизирование как вводные шаги к разработке новой теории; 3) метатеоретизирование как источник более широкой перспективы, обобщающей некоторое количество отдельных теорий. Если первые два типа (теоретический анализ и синтез предыдущих теорий) понимаются как конвенциональные стратегии совершенствования имеющихся и разработки новых теоретических моделей (или общих аналитических схем), то третий тип (нацеленный на создание широкой перспек-

тивы или метатеории) в наибольшей степени отвечает начальному смыслу термина “метатеория”.

Дж.Ритцер приходит к выводу, что метатеоретизирование в социологии преодолело наивные иконоборческие искушения ранней “социологии социологии” и превратило даже критические упреки приверженцев постмодернизма насчет рационализма и модернизма самой идеи метатеории (как способа достижения концептуальной ясности и упорядоченности) в источник новых концептуальных средств и подходов. Это произошло, в частности, в результате апроприации таких приемов деконструкции, как критическое прочтение и отказ от идеи “конечного означаемого” (конечного смысла) теоретических текстов, а также децентрация, проблематизация устоявшихся иерархий правдоподобия и культивирование интереса к “периферийным” мотивам и аргументам.

Метатеоретический анализ находится на правом полюсе континуума между философией и наукой: от насыщенных уникальными фактическими деталями описаний через эмпирические генерализации и теории к исследовательским программам, моделям объяснения и, наконец, собственно философским теориям. Обращение же к “трудным вопросам” метатеории не обязательно должно предшествовать научному исследованию и может быть относительно “поздним продуктом” становления научной дисциплины.

Анализ социологического метатеоретизирования становится более понятным, эффективным и результативным в расширенном контексте — контексте социального метатеоретизирования. Последнее следует понимать как использование моделей теорий, разработанных в методологии науки, для выявления специфики, уровня зрелости и перспектив развития формообразований социального и гуманитарного знания, называемых теориями [Кузнецов, 1997: с. 27]. Конечный продукт социального метатеоретизирования составляет выявление и описание структур знания, “скрытых” за употребляемыми в социальных науках терминами “теория”, “теоретическое” и разными их комбинациями, а именно: “социальная теория”, “теоретическое социальное знание”, “теоретическая модель”, “теоретическая проблема”, “теоретический метод” и т.п. Связанное с этими терминами содержание можно передавать при помощи других терминов типа “абстрактное”, “обобщенное”, “систематическое”, “математическое” и т.д. Однако в некоторых случаях термин “теория” и его производные связаны с более важными и существенными констатациями.

Именно работы Дж.Ритцера фактически конституировали новую дисциплину на стыке философии социальных наук и социологии. Цель этой дисциплины — анализ типов социологических теорий и способов аргументации с использованием этих теорий. Вместе с тем, несмотря на очевидную важность термина “теория”, Дж.Ритцер не эксплицирует разные его значения. Это не случайно, поскольку он совершенно не учитывает тип метатеоретизирования, основанный на сознательном использовании методологических реконструкций научных теорий при анализе систем социологического знания. Дж.Ритцер главным образом ограничивается частичным типом метатеоретизирования, инструментом которого служит понятие “парадигма”. В его работах теоретические системы социологического знания трактуются с точки зрения воплощения в них тех или иных парадигм [Кузнецов, 1997: с. 30].

Согласно Дж.Ритцеру, метатеоретизирование в социологии — это систематическое изучение фундаментальной структуры социологической теории [Ритцер, 2002: с. 562]. Но термин “систематическое” напоминает о распространенности в научном обороте неполных (что имеет место у Ритцера), упрощенных, нецелостных представлений о системности, как ее разрабатывали Л. фон Берталанфи и его последователи. В критическом свете метатеоретизирование Дж.Ритцера играет скорее фоновую роль повышения общетеоретической весомости предлагаемых суждений, является реакцией на текущее состояние теории в мировой и отечественной социологии. Исследователь признает за “метатеоретической работой” некоторую функцию. Метатеоретизирование “освежает” социологическую теорию, добавляя новые объекты (проблематику) исследования и новые пути анализа. То есть идеи метатеоретизирования Дж.Ритцера продолжают выявлять новые тенденции в предметном (проблемном) поле социологических исследований.

Для постсоветской социологии идея метатеоретизирования оказалась довольно органичной, учитывая представления отечественных ученых о методологии теоретизирования Карла Маркса. Для характеристики содержания и эвристической ценности метатеоретизирования постсоветские социологи должны были осознавать важную роль “полевой” исследовательской работы. Ведь при всей важности анализа теоретической мысли лишь эмпирические пути овладения реальностью позволяют получить новое знание, преодолеть ограниченность существующих теоретических конструктов. В орбиту исследовательских интересов постсоветских социологов “вошли” идеи Дж.Ритцера о метатеоретизировании. Но в их работах метатеоретизирование преимущественно сводилось к обзору, анализу поля современных социологических теорий. Предлагалось реализовать потенциал историзма, развивались идеи изменения “доминирующих” видений проблемы современных социологических теорий [Иванов, 2013а]. Есть и определенный опыт анализа текстовых данных с позиций метатеоретизирования [Троцук, 2017] и видения дифференциации разновидностей метатеоретизирования [Дудина, 2017].

Таким образом, метатеоретизирование представляет собой важное направление в исследованиях постсоветских социологов. Этот подход реализуется как в плане анализа известных социологических теорий, так и через усвоение достижений смежных с социологией наук, направленных на исследование социального мира. При этом следует отметить, что принципиальное значение для развития современной социологии на постсоветском пространстве имеет всесторонний анализ реальной жизни, когда теория базируется на социальной конкретике. Метахарактер подобных исследований требует использования методологий и данных любых социальных наук.

Постсоветские социологи способны двигаться вперед, детализировать и конкретизировать современную ситуацию в социологии, осмысливать необходимые шаги в данной сфере, выходить со своими идеями в международный дискурс. При этом задача метатеоретической критики теоретической социологии имеет содержательный смысл, предполагая выявление новых для социологии тенденций и явлений. Очевидно, что проблема метатеоретизирования имеет, так сказать, “вечнозеленый характер”: накатывающие изменения проявляются все новые и новые (ранее не замеченные) аспекты, заставляют вновь и вновь возвращаться к социологическому теоретизированию на новом уровне [Романовский, 2018: с. 130].

Общество и наука не стоят на месте, постоянно происходит обновление знания, развивается научная мысль, изменяется набор влияющих на нее факторов. Одной из фундаментальных новаций стала культуросоциология Дж.Александера, являющаяся логическим продолжением его творческой теории неофункционализма и рефлексией теоретической логики в социологии. Это “прорывный” фактор развития метатеоретизирования, который уже привнес изменения в социологический мейнстрим Америки и Европы (речь идет о концепции социально-культурной травмы, перформансе в политике и т.п.). Также Дж.Александр открыл путь “созревшим интеграциям” (по выражению Дж.Ритцера) в картину многообразия социальных миров для инокультурных (в антропологическом смысле) явлений, других, нежели те, что поставляет мейнстрим, эмпирических исследований реалий Европы и США. Тем самым были созданы, в частности, благоприятные условия для привлечения в социологию ученых из стран Азии и Африки.

Как справедливо отмечал Дж.Ритцер, социальная теория “вмонтирована” не только в научную среду, но и в среду более широкого сообщества. Вследствие этого существует ряд более влиятельных сил, которые воздействуют на нее, в определенной мере ее контролируют. Именно метатеоретизирование “помогает” обратить внимание на опасности, связанные с существованием таких сил, а также на необходимость сопротивления им [Ritzer, 2007: p. 2965]. Ведь современные изменения “более широкого общества” создают инновационные импульсы в социологическом пространстве, нередко “сдерживаемые” традиционализмом культуры и мышления, доминированием существующих социальных групп. В то же время Дж.Ритцер не использует в полной мере потенциал этого положения.

В постсоветский период развития метатеоретизирования становится очевидным, что определенные факторы (раньше не попадавшие в поле анализа и критики социологических теорий) приобретают все большую значимость в качестве источника новаций, распространяющихся через границы евроатлантических регионов мира. И это может в свое время привести к фундаментальным изменениям в подразделениях социологического знания, и не в последнюю очередь — теоретического.

Новое, своеобразное прочтение описания и объяснения современного мира и их истоков “вторгается” в сферу социологического теоретизирования, где пока еще доминирующие роли, как правило, играют американские исследователи. Перспективы этого тренда — в повестке дня многих западных ученых, обсуждающих возможности радикального пересмотра (или, по крайней мере, серьезной модификации) подходов к основам современного капитализма. Все громче звучит критика фундаментальных принципов “модерна”, рациональности, существующего политико-экономического порядка, довольно остро очерчиваются проблемы последствий функционирования капитализма. При этом раскрываются возможности “неевропейских” вариантов предпринимательской этики (например, на материале Китая, где эффективно воплощается традиционная этика трудовых, производственных и властных отношений — гуанси). В то же время японские ученые выражают сомнения в “разумности” экологических принципов современного индустриального производства.

Постсоветский мир создает принципиально иные основания социологической теории. Довольно революционные сдвиги в социальных и естес-

твенных науках также являются источником теоретических новаций в социологии и метатеоретической рефлексии. При этом следует отметить, что междисциплинарность является потенциалом, а не угрозой социологии. Примером взаимодействия в последнее время могут служить сдвиги на стыке социологии с биологическими науками. Так, Дж. Тернер ввел подраздел об эволюционном теоретизировании, порожденном успехами биологических наук. Вообще же нынешний интерес к биологии напоминает те времена, когда на Герберта Спенсера мощное влияние оказали идеи Чарльза Дарвина о фенотипах и генотипах как факторах повышения шансов в естественном отборе, выживании видов, их воспроизводстве, включая этап формирования современного человека и человеческих сообществ. Ныне то, чего не знали Ч. Дарвин и Г. Спенсер, разрабатывается в генетике, эволюционной психологии, исследованиях кроссвидовых сравнений, организмических, экологических, калькуляционных ограничений. Все это “проникает” в социальное знание, обещая сделать социологию более дарвинистской, а в дисциплинарном смысле — более человекоцентричной. К теоретическим прорывам могут привести социологию и феномен информационной революции, и становление информационного способа производства, и изменения в образе жизни под влиянием модернизационных процессов. Не стоит выпускать из поля зрения возможные последствия внедрения в методы и техники научного анализа таких разновидностей информации, как *big data*, спутниковые и мобильные данные, оцифрованные фонды архивов и т.п.

Актуальной проблемой метатеоретизирования в постсоветский период является интеграция имеющихся социологических теорий в рамках единой парадигмы. Ведь на теоретические основания социологии решающим образом влияют скорее изменения в реальном мире. Именно через этот опыт будут “преломляться” поиски и находки социологов. В частности, в мировой социологии по-новому встает вопрос о месте человека в современной и будущей истории. Исследование фундаментальных проблем общества, человека, власти и их теоретическое осмысление (что собственно и составляет метатеоретизирование) всегда было в центре внимания ведущих социологов. В свое время осмысление российской революции дало основания П. Сорокину прийти к альтруизму, гуманизму, общечеловеческим ценностям. Величественной по масштабу и уровню метатеоретических выводов является его работа “Социальная и культурная динамика”.

Говоря о достижениях и перспективах постсоветской социологии, следует отметить, что в рамках стандартов великой теории и человечности осуществлял теоретический анализ человеческого поведения и сознания Ю. Левада. Многоаспектные исследования социально-политической жизни и массового сознания граждан современной России содержат работы М. Горшкова. В работах Л. Дробышевой анализируется опыт исследования межэтнического сознания россиян. Жизненный мир человека как методологическое основание социологии жизни, которую развивает Ж. Тоценко, по своим теоретическим выводам приближается к уровню метатеории. Нельзя не отметить (в контексте метатеоретической парадигмы) и определенные достижения современной украинской социологии. Речь идет об исследовании ценностей в контексте социологии медицины (В. Пилипенко, Н. Захарук, Н. Сопнева), модернизационных процессов в украинском обществе сквозь призму цивилизационного измерения (В. Пилипенко, Е. Са-

пелкина, Г.Чепурко), места и роли человека в современном рыночном социуме (В.Пилипенко) и др.

То есть “достижения” метатеоретизирования расширяют представления об исходных позициях наращивания современного теоретического знания. Указанные выше тенденции с большой вероятностью ведут к новому видению в социологии и современном социальном мире. При этом осмысление проблем метатеоретизирования позволяет выделить следующие аспекты [Романовский, 2018: с. 133]:

- 1) теоретизирование в социологии целесообразно ориентировать не столько на ее фактические достижения, сколько на вероятностное прогнозирование соответствующих процессов в теоретической социологии в их связи с историческими перспективами развития мирового социума и социальных процессов в нем. Фундаментальную значимость для метатеоретической концептуализации по-прежнему имеют ориентированные на уровень теории эмпирические “полевые” исследования. Для оптимизации результатов таких исследований, в свою очередь, необходимо внимание к тому, в какой точке мы находимся и куда из нее возможно движение, если опираться на фундамент науки. При этом важны уроки классиков, рефлексия идей М.Вебера, Э.Дюркгейма, Г.Зиммеля, Т.Парсонса, П.Сорокина. Прежде всего речь идет о связи их теоретических достижений с тенденциями современной истории;
- 2) дискурс метатеоретизирования в социологии осуществляется с опорой на конструкты, созданные в рамках социально-философской мысли, на императивы взаимодействия наук. Поверхностное понимание в науках создает “помехи” метатеоретизированию, подменяя его “модными” темами, которые скрывают чьи-то карьерные амбиции. Не стоит усматривать в метатеоретизировании еще одну моду;
- 3) перспектива метатеоретизирования — это возможность появления качественно новой социологической парадигмы в результате научной революции. Ключевая роль здесь принадлежит эмерджентности нового видения современной истории, современной социальности. Понимание тенденций времени сквозь призму социализма и модерна потерпело крах. Сдвиг, парадигмальный по смыслу, можно прогнозировать как отказ от позиций европоцентричной гегемонии. Далее следует ожидать перестройки методологий, тематик, предпочтений, дисциплинарных полей и т.п.;
- 4) в обновленной социологии в неустанно обновляющемся мире останется ядро социологических теорий, которые ныне считаются современными. Их “мягкая сила” обусловлена интересом социологии к человеку, его общественной жизни. Этот тренд — главный фактор изменений в социальных науках. Следующая эпоха будет такой, какой ее делает человечество — люди, ставшие субъектами истории, агентами, наделенными ресурсами и целеустремленными, мотивированными нравственностью и этикой.

Проблемное поле социологических исследований (в контексте проблематики данной статьи), безусловно, включает вопрос метатеоретизирования в сфере анализа текстовых данных. Уже в середине 2000-х годов в социологический дискурс постсоветской социологии вошло словосочетание

“методологическая травма” как обозначение растерянности исследователей перед многообразием социологических теорий, методологий, методов в процессе принятия решений о выборе средств познавательной деятельности. “Лечение” от этой “болезни” предполагает интеграцию социологического знания посредством осмысления взаимообусловленности, взаимоопределяемости методов, рефлексию построения языка социологического исследования как системы методического симбиоза. Собственно речь идет о метатеоретизировании в трактовке Дж.Ритцера, то есть о систематическом изучении фундаментальной структуры социологической теории для преодоления ее политических и концептуальных проблем [Ритцер, 2002].

Указанная рефлексия ныне весьма важна, учитывая “проникновение” в социологию постмодернистских тенденций. В частности, эти тенденции обострили проблему текста, проблему человека и, наконец, проблему познания, постулируя невозможность однозначной интерпретации любого текста и трактуя и социальный мир, и биографию человека как совокупность фрагментарных дискурсивных конструкций. При этом речь идет о более сложных отношениях с реалиями, нежели просто отражение (“наивный реализм”) или репрезентация (“наивный биографизм”).

Именно постмодерн породил постоянные сомнения, которые можно преодолеть, используя формат метатеоретизирования, предложенный П.Штомпкой. Это поиски ответов на ряд вопросов: что мы исследуем, каким образом и для чего, когда претендент на проведение нарративного, дискурсивного, биографического или иного типа анализа не применяет математические операции для интерпретации текстовых (неформализованных) данных. Необходимость метатеоретического поиска в области анализа текстовых данных диктуется отсутствием ныне единого, теоретически и эмпирически обоснованного концептуального словаря, критериев корректной “номинации” аналитических подходов и принципов выбора как общей модели работы с текстовыми данными, так и конкретных методических решений.

Основными направлениями метатеоретического поиска в области анализа текстовых данных в социологии являются, во-первых, прояснение категориального аппарата, прежде всего взаимосвязей базовых понятий. Содержательное наполнение многих из них пересекается, а использование их в качестве синонимов объясняется неоднозначностью и шлейфом многолетних дискуссий в тех дисциплинах, откуда эти понятия “пришли” в социологию. По критерию теоретичности / эмпиричности используемые в анализе текстовых данных базовые понятия можно упорядочить как “документ — текст — нарратив — метанарратив — дискурс”. Эта последовательность фиксирует переход от реального объекта (конкретный документ) к теоретическому конструкту (дискурс) и отвечает традиционной для эмпирического исследования реверсивной логике переходов от концептуальных к операциональным дефинициям.

Еще одно направление метатеоретизирования — это объединение концептуальных подходов к анализу текстовых данных в две группы на основе отличия систем целеполагания. Предметно-ориентированные модели принципиально “нейтральны” по отношению к объекту изучения и проблеме конструирования выборки (дискурс-анализ). Их цель — идентификация и / или реконструкция определенного дискурса. Объектно-ориентированные модели сосредоточены на объекте (сбор данных, редактирование и ана-

лиз текстового массива) и вариативно конструируют предмет (конверсационный анализ, нарративный анализ, биографический метод). Эта вариативность объясняется различием исследовательских задач. Однако объективно-ориентированные модели объединяет категорическое отрицание трактовки текстов как репрезентаций. Тексты имеют социально-конституирующий характер, они создают социальный порядок в локальных ситуациях разговорного взаимодействия (конверсационный анализ), (ре)конструируют параметры идентичности и частной повседневности (биографии), как и жизненный мир и “нормы” (само)познания (нарративы).

Третье направление метатеоретизирования в области текстовых данных — это абстрагирование от процедурных особенностей разных методик и сведение их к контент-анализу в расширительном трактовании. Последнее предполагает выделение двух видов контент-анализа — традиционного формализованного и нечастотного (сюда входят и правила кодирования “обоснованной теории”).

Наконец, четвертое направление метатеоретизирования — это объединение проблем всех вариантов социологической работы с текстовыми данными в три группы: 1) обусловленные субъективизмом исследователя; 2) детерминированные “природой” материала; 3) “порожденные” автором текста (замысел, нарративная компетентность, работа на зрителя и т.п.). Первая и третья группы проблем объясняются неисправимой “человечностью” участников коммуникации. Ведь социолог не может превращаться в бездумно-отстраненного препаратора смыслов, а перед информатором задача сдерживания субъективности не стоит. Что же касается самого текста, то невозможно отследить и нивелировать влияние на него ряда факторов: остроты и реалистичности фактических переживаний информанта (сензитивные тематики), специфики коммуникативного взаимодействия (институциональный и ситуативный контекст, особенности человеческой памяти) [Троцук, 2017: с. 15–16].

Успешная и эффективная деятельность ученых в проблемном поле социологических исследований во многом детерминируется знанием и реализацией основных стратегий метатеоретизирования в современный (постсоветский) период. Речь идет об интегративном, эволюционном и перспективистском метатеоретизировании [Дудина, 2017]. В 1990-е годы на метатеоретизирование возлагались большие надежды в плане интеграции социологического знания, стандартизации языка описания и создания кумулятивной теории. Дж.Тернер признавал важность метатеоретизирования в позитивистском ключе — как работы, направленной на создание кумулятивной формальной дедуктивной теории. Он предложил стратегию метатеоретизирования для постепенного создания победной теории. Стратегия Дж.Тернера базируется на выделении из имеющихся теорий ключевых концептов и связей между ними для создания аналитических моделей, которые будут отражать основные моменты отдельных теорий. Дело заключается в согласовании этих моделей и формулировке абстрактных принципов, из которых можно вывести верифицируемые гипотезы для эмпирического исследования.

К этому типу метатеоретизирования можно отнести также разработку интегративных метатеоретических концепций, устанавливающих связи между отдельными частями и уровнями социологического знания. Имеются в виду концепции взаимосвязи между микро- и макроуровнем, соотнесение

действия и структуры и наконец поиск общей теоретической логики социологии. Несмотря на многочисленность и разнообразие, усилия первого поколения метатеоретиков не привели к желаемой интеграции социологического знания. В начале XXI века в социологическом сообществе происходит отказ от задач стандартизации, а метатеоретический интерес направляется на осмысление процессов изменения социологического знания в историческом контексте, чтобы очертить перспективы дальнейшего развития дисциплины.

Эволюционное метатеоретизирование “помещает” социологическое знание в исторический контекст и акцентирует внимание на этапах, преемственности или смещениях. Тема эволюции социологии стала особым предметом теоретизирования на рубеже XX и XXI веков, когда вопросы о направлениях развития социологии, о том, как создавать “новую социологию” и что делать со “старой социологией”, приобрели особую популярность [Иванов, 2013а: с. 13]. В отличие от работы в области истории социологии, “эволюционные” метатеоретики заинтересованы в определении линии развития социологии и в картографировании прежних достижений, которые привели к нынешнему состоянию социологического знания. Их задача — не историческая, а логическая реконструкция развития знания.

Радикальным шагом к эволюционному метатеоретизированию считается подготовленный в 1996 году комиссией фонда Гульбенкяна доклад о реструктуризации социальных наук под названием “Сделать социальные науки открытыми”. Главная проблема социального знания, по мнению авторов доклада, заключалась в том, что общественные науки оказались закрытыми от полного понимания социальной реальности. А методы, которые исторически сложились и имели целью достижение такого понимания, стали мешать пониманию. Причиной такого состояния было признано то, что социальные науки продолжают опираться на устаревшие идеи, методологии и дисциплинарные рамки, возникшие еще в XIX веке. Поэтому авторы доклада предложили убрать устаревшие дисциплинарные ограничения, объединить социологию с другими социальными науками и унифицировать научное знание как “плюралистический универсализм”.

Несколько позже М.Буравой пришел к выводу, что в указанном докладе переоценивалась релевантная только для академической элиты автономность научного знания как не отвечающая практике социальных наук и реальным социальным проблемам. Более того, М.Буравой расценивает этот доклад как возвращение к амбициям позитивизма XIX века — унификации всего научного знания без анализа вопросов о том, “где”, “как” и “для кого” его вырабатывают [Burawoy, 2007]. Поэтому он предлагает свою метатеоретическую конструкцию, призванную объяснить многообразие социологического знания и очертить дальнейшие перспективы его развития. Основой конструкции М.Буравого служит переопределение способов классификации социологического знания, когда вместо дебатов о количественных и качественных методах, позитивистских и интерпретационных методологиях речь пойдет о постановке вопроса, для кого и для чего мы занимаемся социологией [Burawoy, 2005: p. 11].

Свои взгляды на суть эволюционного метатеоретизирования высказывали также П.Штомпка и Г.Терборн. Но несмотря на определенные отличия в подходах этих ученых, их роднит попытка очертить единую линию исторического развития социологии, выявить этапы, преемственность и разрывы

вы в эволюции этой науки. Анализируя ретроспективно изменчивость и вариативность социологического знания, все “метатеоретики” усматривают идеал в определенной его унификации путем “реконструкции” эволюции социологической науки.

Помимо стратегий создания обобщающей перспективы (через стандартизацию языка описания или прослеживание линии эволюции), существует направление метатеоретизирования, которое отказалось от интегративных усилий и нацелилось на выделение в структуре социологического знания относительно автономных, внутренне упорядоченных конфигураций. Это — парадигмы, исследовательские программы, модели объяснения и т.п. Такой тип метатеоретической деятельности направлен на выработку критериев оценки и ориентиров развития, действующих внутри выделенных конфигураций.

В рассуждениях ученых о плюрализме социологических подходов и теорий чаще всего встречается термин “парадигма”. Поначалу это понятие понималось как совокупность научных достижений (признанных научным сообществом) или образец решения научных проблем, выдвинутых определенной классической работой. Но как любое понятие, используемое весьма активно без должной рефлексии, понятие “парадигма” получило в социологии довольно расплывчатое трактование. Парадокс использования этого понятия заключается в том, что со временем оно стало ассоциироваться с понятием “теория”. Более того, в некоторых случаях эти понятия начали использовать как взаимозаменяемые, как синонимы. Понятие “парадигма” стало рассматриваться, в первую очередь, как совокупность признанных научных достижений, а не как образец решения научных проблем, связанных с этими достижениями.

В случае, когда аналитики акцентируют внимание на уже созданных теориях, парадигма становится не столько инструментом анализа, сколько способом формальной классификации научного знания. В рамках парадигмы выделяются элементы, связь между которыми устанавливается постфактум и не носит характера необходимой. Дж.Ритцер, осуществляя парадигмальный анализ социологического знания, выделяет в парадигме четыре элемента: 1) образцовая работа в данной дисциплинарной области; 2) определение предметной сферы; 3) теория или совокупность теорий; 4) методы [Ритцер, 2002: с. 571]. Понятие парадигмы играет роль обобщающего наименования некой совокупности выделенных элементов, констатируя и упорядочивая различия между фундаментальными представлениями о предмете изучения науки.

Таким образом, можно говорить о трех стратегиях метатеоретизирования, различных по целевой установке и результату. Интегративное метатеоретизирование направлено на выявление общей теоретической логики, стандартизацию языка описания и / или разработку интегрированной теории. Эта стратегия базируется на выделении из известных теорий ключевых концептов и создании общих аналитических моделей. Стратегии эволюционного метатеоретизирования нацелены на осмысление тенденций развития социологии в меняющемся контексте и определение будущего состояния дисциплины путем картографирования прежних достижений, выделения этапов, фаз, сдвигов и смещений в социологическом знании. А перспективистское метатеоретизирование отталкивается от предположения, что

социология не достигнет единства ни ныне, ни в будущем состоянии и должна существовать в условиях множества перспектив.

В контексте анализа метатеоретизирования в современный, постсоветский период представляется возможным (и необходимым) уделить внимание антропосоциокультурному эволюционизму как метатеоретическому принципу изучения человеческих сообществ. Антропосоциокультурный эволюционизм — это развитие антропосоциетального подхода, используемого как современная, антропно-деятельностная интерпретация классического социокультурного подхода [Лапин, 2005].

Можно выделить несколько принципов, позволяющих конкретизировать представления об обществе как антропосоциокультурной целостности [Лапин, 2018: с. 6]:

- 1) принцип противоречивости функций социального действия базируется на понимании человека как многомерного, биосоциокультурного существа, спецификой которого является способность к творческой продуктивной деятельности (К.Маркс, М.Вебер). Многомерность человека связана с его противоречивостью, проявляющейся в противоречивости смыслов и значений действий одних субъектов для других, и выполняет явные и латентные функции в отношении субъектов взаимодействия;
- 2) принцип паритетности и взаимопроникновения культуры и социума означает, что ни одна из этих составляющих общества не сводится к другой и не выводится из нее. Этот принцип предполагает неиерархический сетевой характер структуры общества, обусловленный многомерностью человека и противоречивостью функций социального действия;
- 3) принцип неполноты антропосоциетального соответствия имеет ключевое значение для понимания характера и типа социума как глубокий источник саморазвития общества и личности. Он означает неполную совместимость личностно-поведенческих характеристик человека как социализированного актора (личности) и характеристик социума, возможность их противостояния, подчас достигающего большой остроты;
- 4) принцип неустойчивости антропосоциетального равновесия означает, что разнонаправленность действий социальных акторов и ограниченность ресурсов делает невозможным обеспечение устойчивого баланса удовлетворения потребностей, ценностей, интересов людей, взаимодействие которых образует это общество. По оценке Т.Парсонса, баланс между заинтересованностями акторов в увеличении своего удовлетворения достигается лишь на короткое время. Чаще наблюдается отдаление от точки равновесия, что создает ситуации рисков. А если это отдаление превышает критическое значение, то целое трансформируется в качественно иное состояние или разрушается;
- 5) принцип бинарной противонаправленности социетальных процессов и взаимообратимости (инверсионности) их ролей означает, что каждый процесс (воплощающий динамику социума и имеющий определенную направленность) сопоставим с противоположно направленным процессом. Один из них обеспечивает воспроизводство соответствующих структур, а другой — их изменение. Эти процессы

противоположны по своему влиянию в обществе на разных этапах его эволюции. Сначала превалирует один из них, потом — противоположный. От пропорций инверсивности этих бинарных процессов зависит характер динамики общества — доминирование изменений или сохранения состояния.

Как известно, сообщества людей исторически изменчивы. Их изменения можно считать развитием в той мере, в какой образуются новые способы самоорганизации, позволяющие сообществам успешно отвечать на новые вызовы — внутренние и внешние. Глубинным источником развития сообществ является развитие культуры людей, то есть саморазвитие их способностей и потребностей, саморазвитие индивидов. Поэтому защита прав и свобод человека в конечном счете означает защиту свободного саморазвития не только индивидов, но и их сообществ, о чем свидетельствуют успехи стран западной цивилизации. Если в сообществе формируются регуляторы саморазвития, то это свидетельство того, что социум соответствует характеру культуры, способствует ее развитию. Это и означает открытое общество. Но если социум не соответствует характеру культуры, в нем формируются регуляторы, блокирующие саморазвитие. Именно формирование эффективных механизмов саморазвития может стать началом становления новых обществ на постсоветском пространстве, отличных от всех предыдущих.

Для понимания и исследования трендов глобализованного человечества, его цивилизаций и стран (в частности постсоветских), необходимы новые основания типологии сообществ — не отдельных сфер, а сообщества в целом. Гипотетически можно выделить следующие измерения [Лапин, 2018: с. 10]:

- 1) мера самодостаточности сообщества для его постоянного развития: зависимые, полузависимые, самодостаточные сообщества. Последние и образуют власть общества, в отличие от их региональных сообществ как не совсем самодостаточных;
- 2) характер дифференцированности структуры (двухуровневые, многоуровневые), формы и способы коммуникации между индивидами и их структурами (непосредственные / опосредованные; кооперация, конкуренция, паритет; подчинение / подчиненность; устные, письменные, электронные);
- 3) средства самоорганизации сообществ, их устойчивости и способности к изменениям: базовое соотношение культуры и социума (их соответствие / несоответствие); характер регуляторов общественной энергии (стимулирование / блокировка развития культуры); доминирующий тип процессов: традиционные (закрытые), медленно изменяющиеся, современные (открытые); ориентированные на новые правила, делающие возможным успешный ответ на современные вызовы; саморегулируемые или способные к саморазвитию; модернизационные;
- 4) интегральные основания (критерии): уровень, качество жизни населения; удовлетворенность людей своей жизнью; идентификация с обществом, его ценностями; состояние самоорганизации сообщества.

Все изложенное выше дает основания для определенных выводов о современном (постсоветском) метатеоретизировании.

Во-первых, нынешнее состояние метатеоретизирования в социологии — это либо движение от кодификации и концептуальной стандартиза-

ции к деконструкции и децентрации современных социологических теорий, либо обратное движение.

Во-вторых, сегодня имеет смысл предметно говорить об антропосоциокультурном эволюционизме как метатеоретическом принципе изучения сообществ. Метатеоретизирование в науках об обществе — это принципы изучения человеческих сообществ как объектов, образующих новый эволюционирующий универсум, — социальное, антропосоциокультурное бытие.

В-третьих, выделяются три стратегии метатеоретизирования в современной социологии. Интегративное метатеоретизирование направлено на выявление общей теоретической логики, стандартизацию языка описания и / или разработку интегрированной теории. Эволюционное метатеоретизирование “осмысливает” тенденции и перспективы развития социологии в меняющемся социальном мире. Перспективистское метатеоретизирование направлено на определение независимых друг от друга внутренне упорядоченных и относительно герметичных конфигураций — парадигм, научно-исследовательских программ, моделей объяснения и т.п. Эти стратегии метатеоретизирования помогают решить проблемы дисциплинарной раздробленности.

В-четвертых, сегодня можно говорить о глубокой трансформации дисциплинарного пространства социогуманитарных наук, сосредоточившись на вопросе, что это означает — кризис или вхождение в “постмодернизм”? Постмодернистская интерпретация современной социальной теории эмпирически ограничена. Она весьма жестко связывает между собой характеристики множественности, фрагментарности и хаотичности. Избыточность этого подхода состоит в том, что фрагментарность — это одно из возможных последствий плюральности социогуманитарных наук. Их фрагментарность может иметь реверсивный характер — от хаоса к порядку и наоборот. Постмодернистская фрагментация противостоит логике развития современных социальных наук. Она накладывается на концептуальную раздробленность научного знания, поскольку в “режиме дисциплин” социальную реальность изучают несколько социальных наук.

В-пятых, имеет смысл рассматривать “постгуманизм” как метатеоретическую программу междисциплинарных исследований. Постгуманизм здесь обозначает онтологическую и дискурсивную (метатеоретическую) реальность, “формулирующую” требования к научному познанию. В XXI веке ряд процессов и явлений “подрывают” базовые представления о человеке и человеческом обществе. Эта ситуация и описывается в терминах постгуманизма, который “предвещает” формирование третьего исторического типа социального порядка. В основе постгуманистического мира — несколько фундаментальных процессов и факторов: “стрела времени”; “шок-футуризация”; риски и травмы социальных процессов; метаморфогенез институтов — посткапитализм, постсекуляризм, постнационализм и т.п. Эти факторы меняют образ современного, “закрываая” эпоху антропоцентризма.

В-шестых, следует отметить, что нынешняя классификация наук требует корректировки. Становятся значимыми антропосоциокультурный подход и развитие социального конструктивизма, а также различие категорий и понятий: метатеоретизируя, мы “работаем” с понятиями, но не с категориями.

В-седьмых, имеет смысл говорить о некотором усложнении и препятствиях, имеющих место в современном метатеоретизировании. Речь идет о

недооценке противоречивости, алогичности в исследовании микро- и макропроцессов. Очевидное благородство целей, задач универсального теоретизирования противоречит прагматике реализации, что нередко приводит к его примитивизации или использованию в антигуманных и антинаучных целях. Временами теория находится в маркетинговом “туннеле”, а иногда “подстраивается” под выгодную (для правящих групп) цель. Парадоксальна всеобщность / расчлененность метатеоретического знания. Почти в каждой его области исследователи приблизились к пределу незнания, а то и переступили его. В конце концов, настоящее и будущее подвластны метатеориям, а в социальном плане выполняются узкоутилитарные задания.

Источники

Александр, Дж. (2013). *Смыслы социальной жизни: культурсоциология*. Москва: Практис.

Бауман, З. (2004). *Текущая современность*. Санкт-Петербург: Питер.

Бек, У. (2000). *Общество риска. На пути к другому модерну*. Москва: Прогресс-Традиция.

Бхамбра, Г. К., & Сантуш, Б. ди С. (2017). Глобальные вызовы социологии. *Социологические исследования*, 9, 3–8. <https://doi.org/10.7868/S013216251709001X>

Девятко, И. Ф. (1996). *Модели объяснения и логика социологического исследования*. Москва: Институт социологического образования Российского центра гуманитарного образования; Программа Европейского сообщества TEMPUS/TACIS; Институт социологии Российской академии наук.

Девятко, И. Ф. (2003). Социологические теории деятельности и практической рациональности. Москва: Аванти плюс.

Девятко, И. Ф. (2017). Метатеоретизирование или философия социальных наук? *Социологические исследования*, 12, 3–9. <https://doi.org/10.7868/S0132162517120017>

Дудина, В. И. (2013а). *Эпистемические матрицы социологического знания*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета.

Дудина, В. И. (2013б). Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии. *Социологические исследования*, 10, 13–21.

Дудина, В. И. (2017). Стратегии метатеоретизирования в социологии. *Социологические исследования*, 12, 10–19. <https://doi.org/10.7868/S0132162517120029>

Иванов, Д. В. (2013а). Эволюция социологии и эволюционное метатеоретизирование. *Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований*, 4, 13–19.

Иванов, Д. В. (2013б). Этапы эволюции социологии и доминантные типы метатеоретизирования. *Социологические исследования*, 9, 3–13.

Иванов, Д. В. (2017). Тренд метатеоретизирования в современной социологии. *Социологические исследования*, 11, 3–10. <https://doi.org/10.7868/S0132162517110010>

Кузнецов, В. И. (1997). Социальное метатеоретизирование и его значение. *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*, 4, 22–42.

Лапин, Н. И. (2005). Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения. *Вопросы философии*, 2, 17–29.

Лапин, Н. И. (2018). Антропосоциокультурный эволюционизм — метатеоретический принцип изучения сообществ людей. *Социологические исследования*, 3, 3–14. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030017>

Пилипенко, В. Є. (2005). Людина в ринковому суспільстві: орієнтації, поведінка, культура. Київ: Фоліант.

Пилипенко, В. Є. (2012). Українська соціологія сьогодні: дослідження основних сфер життєдіяльності суспільства. Львів: Західноукраїнський консалтинг-центр.

Пилипенко, В. (2017). Метатеоретизування в соціології: особливості, типи та напрями. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 59–76.

Пилипенко, В. (2018). Метатеоретичні пошуки соціологів у 1950–1970-х роках: генеза нової царини соціологічного знання. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 117–141.

Пилипенко, В. Е., Захарук, Н. Ю., & Сопнева, Н. Б. (2009). *Ценности в контексте социологии медицины*. Донецк: Юго-Восток.

Пилипенко, В. Е., Поддубный, В. А., & Черненко, И. В. (1993). *Социальный морфогенез: эволюция и катастрофы (синергетический подход)*. Киев: Наукова думка.

Пилипенко, В. Е., Привалов, Ю. О., & Николаевський, В. М. (2008). *Владна еліта у контексті суспільного розвитку*. Київ: Фоліант.

Пилипенко, В., Привалов, Ю., & Щербина, В. (2000). *Субъективный компонент в социологическом познании*. Киев: Стилос.

Пилипенко, В. Е., Сапелкіна, О. В., & Чепурко, Г. І. (2016). *Модернізація: теорія, практика, цивілізаційний вимір*. Львів: Ліга-Прес.

Резнік, В. С. (2010). *Легітимація приватної власності як концепт соціологічної теорії*. Київ: Інститут соціології Національної академії наук України.

Ритцер, Дж. (2002). *Современные социологические теории* (5-е изд.). Санкт-Петербург: Питер.

Романовский, Н. В. (2016). Междисциплинарность: взаимодействие естественнонаучных и социально-гуманитарных знаний (XVII Харчевские чтения). *Социологические исследования*, 2, 155–157.

Романовский, Н. В. (2018). Метатеоретизирование в социологии: дискурс и прогноз. *Социологические исследования*, 2, 127–135. <https://doi.org/10.7868/S0132162518020137>

Троцук, И. В. (2014). Текстовый анализ в социологии: проблемы и обещания разных типов “чтения” слабоструктурированных данных. Москва: Российский университет дружбы народов.

Троцук, И. В. (2017). О метатеоретизировании в области анализа текстовых данных. *Социологические исследования*, 9, 12–21. <https://doi.org/10.7868/S0132162517090033>

Черниш, Н. Й. (2018). Стан сучасного загальносоціологічного теоретизування: глобальний досвід і локальні специфікації. *Український соціум*, 1(64), 19–35. <https://doi.org/10.15407/socium2018.01.019>

Чудова, И. А. (2015). Постмодернизм и социологическая теория. *Социологические исследования*, 5, 33–41.

Яковенко, А. В. (2017). Метатеоретизирование: основные социальные препятствия и сложности. *Социологические исследования*, 11, 11–18. <https://doi.org/10.7868/S0132162517090033>

Burawoy, M. (2005). For public sociology. *American Sociological Review*, 70(1), 4–28. <https://doi.org/10.1177/000312240507000102>

Burawoy, M. (2008). Open the social science: To whom and for what. *Portuguese Journal of Social Science*, 6(3), 137–146. https://doi.org/10.1386/pjss.6.3.137_1

Ritzer, G. (2007). Metatheory. In G. Ritzer (Ed.), *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeosm086>

Wagner, D. G., & Berger, J. (1985). Do sociological theories grow? *American Journal of Sociology*, 90(4), 697–728.

Матеріал отримано 15.07.2019

References

Alexander, J. (2013). *The meanings of social life: A cultural sociology*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Praxis Press. [= Александер 2013]

Bauman, Z. (2008). *Liquid modernity*. [In Russian]. Saint Petersburg, Russian Federation: Piter Press. [= Бауман 2008]

- Beck, U. (2000). *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Progress-Tradition Press. [= Бек 2000]
- Bhambra, G. K., & Santos, B. de S. (2017). Global challenges for sociology. [In Russian]. *Sociological Studies*, 9, 3–8. <https://doi.org/10.7868/S013216251709001X> [= Бхамбра 2017]
- Burawoy, M. (2005). For public sociology. *American Sociological Review*, 70(1), 4–28. <https://doi.org/10.1177/000312240507000102>
- Burawoy, M. (2008). Open the social science: To whom and for what. *Portuguese Journal of Social Science*, 6(3), 137–146. https://doi.org/10.1386/pjss.6.3.137_1
- Chernysh, N. Y. (2018). The current state of general sociological theorising: Global experience and local specifics. [In Ukrainian]. *Ukrainian Society*, 1(64), 19–35. <https://doi.org/10.15407/socium2018.01.019> [= Черниш 2018]
- Chudova, I. A. (2015). Postmodernism and sociological theory. [In Russian]. *Sociological Studies*, 5, 33–41. [= Чудова 2015]
- Deviatko, I. F. (1996). *Explanatory models and the logic of social research*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Institute of Education in Sociology at the Russian Centre for Education in the Humanities; The EU TEMPUS/TACIS Programme; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. [= Девятко 1996]
- Deviatko, I. F. (2003). *Sociological theories of activity and practical rationality*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Avanti Plus Press. [= Девятко 2003]
- Deviatko, I. F. (2017). Metatheorising or philosophy of the social sciences? [In Russian]. *Sociological Studies*, 12, 3–9. <https://doi.org/10.7868/S0132162517120017> [= Девятко 2017]
- Dudina, V. I. (2013a). *Epistemic matrices of sociological knowledge*. [In Russian]. Saint Petersburg, Russian Federation: Saint Petersburg State University Press. [= Дудина 2013а]
- Dudina, V. I. (2013b). An imaginary crisis in sociology and outlines for a new epistemology. [In Russian]. *Sociological Studies*, 10, 13–21. [= Дудина 2013б]
- Dudina, V. I. (2017). The strategies of metatheorising in sociology. [In Russian]. *Sociological Studies*, 12, 10–19. <https://doi.org/10.7868/S0132162517120029> [= Дудина 2017]
- Ivanov, D. V. (2013a). The evolution of sociology and evolutionary metatheorising. [In Russian]. *Telescope: A Journal of Sociological and Marketing Studies*, 4, 13–19. [= Иванов 2013а]
- Ivanov, D. V. (2013b). Stages in the evolution of sociology and the dominant types of metatheorising. [In Russian]. *Sociological Studies*, 9, 3–13. [= Иванов 2013б]
- Ivanov, D. V. (2017). The trend of metatheorising in contemporary sociology. [In Russian]. *Sociological Studies*, 11, 3–10. <https://doi.org/10.7868/S0132162517110010> [= Иванов 2017]
- Kuznetsov, V. I. (1997). Social metatheorising and its significance. [In Russian]. *Moscow University Proceedings. Series 18: Sociology and Political Science*, 4, 22–42. [= Кузнецов 1997]
- Lapin, N. I. (2005). The anthroposocietal approach: Methodological underpinnings and sociological measurement. [In Russian]. *The Problems of Philosophy*, 2, 17–29. [= Лапин 2005]
- Lapin, N. I. (2018). Anthroposociocultural evolutionism as a metatheoretical principle of studying human communities. [In Russian]. *Sociological Studies*, 3, 3–14. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030017> [= Лапин 2018]
- Pilipenko, V. Ye., Poddubnyi, V. A., & Chernenko, I. V. (1993). *Social morphogenesis: Evolution and catastrophes (A synergetics-based approach)*. [In Russian]. Kyiv, Ukraine: Naukova Dumka Press. [= Пилипенко 1993]
- Pilipenko, V., Privalov, Yu., & Scherbina, V. (2000). *A subjective component in sociological cognition*. [In Russian]. Kyiv, Ukraine: Stylos Press. [= Пилипенко 2000]
- Pilipenko, V. Ye., Zakharuk, N. Yu., & Sopneva, N. B. (2009). *Values in regard to the sociology of health care*. [In Russian]. Donetsk, Ukraine: Yugo-Vostok Press. [= Пилипенко 2009]
- Pylypenko, V. Ye. (2005). *The human being in a market society: Orientations, behaviour and culture*. [In Ukrainian]. Kyiv, Ukraine: Foliant Press. [= Пилипенко 2005]

Pylypenko, V. Ye. (2012). *Ukrainian sociology nowadays: Studying the key areas of the society's life*. [In Ukrainian]. Lviv, Ukraine: Western Ukrainian Consulting Centre. [= Пилипенко 2012]

Pylypenko, V. (2017). Metatheorising in sociology: Particularities, types and trends. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 2, 59–76. [= Пилипенко 2017]

Pylypenko, V. (2018). Metatheoretical inquiry in sociology during the 1950s–1970s: The genesis of a new realm of sociological knowledge. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 2, 117–141. [= Пилипенко 2018]

Pylypenko, V. Ye., Pryvalov, Yu. O., & Nikolaievskiy, V. M. (2008). *The power elite in the context of societal development*. [In Ukrainian]. Kyiv, Ukraine: Foliant Press. [= Пилипенко 2008]

Pylypenko, V. Ye., Sapielkina, O. V., & Chepurko, G. I. (2016). *Modernisation: Theory, practice and civilisational dimension*. [In Ukrainian]. Lviv, Ukraine: Liga-Press. [= Пилипенко 2016]

Reznik, V. S. (2010). *The legitimation of private property as a concept for sociological theory*. [In Ukrainian]. Kyiv: Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine. [= Резнік 2010]

Ritzer, G. (2002). *Modern sociological theory* (5th ed.). [In Russian]. Saint Petersburg, Russian Federation: Piter Press. [= Ритцер 2002]

Ritzer, G. (2007). Metatheory. In G. Ritzer (Ed.), *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeosm086>

Romanovskii, N. V. (2016). Interdisciplinarity: The interaction of knowledge in natural sciences, social sciences and the humanities (17th annual conference in memory of A. G. Kharchev). [In Russian]. *Sociological Studies*, 2, 155–157. [= Романовський 2016]

Romanovskii, N. V. (2018). Metatheorising in sociology: Discourse and forecasts. [In Russian]. *Sociological Studies*, 2, 127–135. <https://doi.org/10.7868/S0132162518020137> [= Романовський 2018]

Trotsuk, I. V. (2014). *Textual analysis in sociology: The problems and promise of different types of “reading” loosely structured data*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: RUDN (Peoples' Friendship University of Russia) Press. [= Троцюк 2014]

Trotsuk, I. V. (2017). Metatheorising for the analysis of textual data. [In Russian]. *Sociological Studies*, 9, 12–21. <https://doi.org/10.7868/S0132162517090033> [= Троцюк 2017]

Wagner, D. G., & Berger, J. (1985). Do sociological theories grow? *American Journal of Sociology*, 90(4), 697–728.

Yakovenko, A. V. (2017). Metatheorising: Basic social obstacles and difficulties. [In Russian]. *Sociological Studies*, 11, 11–18. <https://doi.org/10.7868/S0132162517090033> [= Яковенко 2017]

Received 15.07.2019

ВАЛЕРІЙ ПИЛИПЕНКО, ГУЛЬБАРШИН ЧЕПУРКО, ЮРІЙ ПРИВАЛОВ

Метатеорії на початку ХХІ століття: модернізаційний вектор соціології

У статті йдеться про міждисциплінарні витоки соціологічної метатеорії, а також причини піднесення інтересу до неї у пострадянській період. Розглянуто стратегії метатеоретизування в сучасній соціології. Описано головні формати метатеоретизування та його можливості в предметній галузі аналізу неформалізованих даних. Проаналізовано тенденції переходу соціологічної спільноти від дискурсу парадигмальної кризи до метатеоретизування.

Ключові слова: суспільство, сучасна соціологія, соціологічна теорія, метатеоретизування, метатеорія, проблемне поле, метасоціологія

ВАЛЕРИЙ ПИЛИПЕНКО, ГУЛЬБАРШИН ЧЕПУРКО, ЮРИЙ ПРИВАЛОВ

Метатеории в начале XXI столетия: модернизационный вектор социологии

В статье речь идёт о междисциплинарных истоках социологической метатеории, а также причинах повышения интереса к ней в постсоветский период. Рассматриваются стратегии метатеоретизирования в современной социологии. Описываются основные форматы метатеоретизирования и его возможности в предметной области анализа неформализованных данных. Анализируются тенденции перехода социологического сообщества от дискурса парадигмального кризиса к метатеоретизированию.

Ключевые слова: общество, современная социология, социологическая теория, метатеоретизирование, метатеория, проблемное поле, метасоциология

VALERII PYLYPENKO, GULBARSHYN CHEPURKO, YURII PRYVALOV

Early 21st-century metatheories: A vector for modernisation of sociology

The paper traces the interdisciplinary sources of sociological metatheory and explores some factors contributing to the growth of interest in this realm during the post-Soviet era. The authors provide a detailed overview of metatheoretical strategies established in contemporary sociology and describe the main types of metatheorising. Furthermore, they examine the opportunities offered by metatheorising for the analysis of non-formalised data in a specific subject area or field of research. Particular attention is given to the trends that characterise a shift from discourse on paradigm crisis to metatheorising, which has been observed within the sociological community.

Keywords: society, contemporary sociology, sociological theory, metatheorising, metatheory, research problem field, metasociology